

Япония — не гомогенная культура, а «дружественный авторитаризм»¹

В последнее время растёт количество изданий, посвящённых японскому национальному характеру, менталитету и особенностям японской духовной культуры в целом. На фоне этих изданий рецензируемая книга выделяется остротой наблюдательности автора, меткостью и глубиной оценок и обобщений. В целом книга посвящена опровержению имеющего широкое распространение мифа о «гомогенности» японской культуры. В обобщающей форме этот тезис изложен на с. 32: «Как мы уже выяснили, японцы отнюдь не гомогенная, однородная нация, это сплав региональных менталитетов, это представители разных традиций и различных поколений, к тому же социальное расслоение обеспечивает многообразие субкультур и вариантов общественных отношений».

На наш взгляд, автору удалось сформулировать то, что ускользало от внимания других специалистов по Японии, а именно понимание японцами национальной идеи. Ю.С. Ковальчук определяет её посредством бинарных отношений: «Для этого японские боги придумали двойные коды поведения, желая отделить своих подопечных от остальных наций. Возможно, поэтому японцы считают себя арийцами Азии и относятся к остальным азиатским народам не то что снисходительно, но где-то высокомерно» (с. 30). Такими «бинарными кодами поведения», с точки зрения автора, являются татэмаэ и хоннэ. «Татэмаэ — это внешний образ, который, подобно ширме, скрывает за собой суть какого-либо поступка или явления. А хоннэ в той же ситуации будет правда-матка, то, что реально думают или хотят люди, вовлечённые в действие». «Следующий набор кодов — омотэ и ура. Омотэ — лицевая сторона, а ура — изнанка. Например, низкий уровень преступности в Японии — это омотэ, а то, что дело не в массовой добропорядочности, а в страхе перед пытками и ужасами японских тюрем — это уже будет ура» (с. 30—31).

«Ещё один набор кодов, — продолжает автор, — сото, то есть снаружи, и учи — внутри. Этот набор оперирует понятиями „свой“ и „чужие“. Ну и отношение к ним, естественно, разное» (с. 31). Обобщение в изложении автора выглядит следующим образом: «То, что обществом на словах осуждается и отвергается его членами, негласно получает право на существование, если не афишируется и не выставляется напоказ» (с. 31).

Эти явления Ю.С. Ковальчук совершенно справедливо связывает с традиционной идеологией японцев: «Что подвигает японца к самоотдаче и приверженности интересам компании, кроме денег? Конфуцианская ментальность! Утратив своё слабо выраженное религиозное содержание, неоконфуцианство сыграло Японии на руку в таких далёких от идеологии областях, как торговля и экономика. И политическая, и бизнес-элита Японии охотно взяли на вооружение неоконфуцианскую концепцию самосовершенствования сю син...» (с. 101).

С другой стороны, автор рецензируемой книги рассматривает ментальность современных японцев как продукт современной медийной системы: «Однако в большинстве своём японцы — это дети мира массовых коммуникаций, потребители медийного фастфуда, той продукции, которая поступает к ним из радиоприёмников и телевизоров и соответствует чаяниям и интересам простых япон-

¹ Ковальчук Ю.С. Япония и японцы. М.: РИПОЛ классик. 2012

цев». И далее автор делает далеко идущий, заслуживающий внимания вывод: «А это означает, что существует негласная договорённость между властью имущими и основными СМИ о том, что и как следует писать и говорить, иначе Япония не была бы Японией» (с. 33).

Ю.С. Ковальчук поднимает интересную проблему системы отношений в японском обществе (иерархичность, дискриминация по половому признаку, шпионаж за детьми со стороны учителей и родителей). Эту систему она определяет как «дружественный авторитаризм»: «Конечно, в любом обществе существуют аналогичные виды контроля, но именно в Японии эта система взаимной слежки приняла форму такого дружеского авторитаризма. Дружествен он потому, что не показывает своего истинного лица» (с. 89).

Интересно наблюдение автора об отношении в послевоенном японском обществе к сексу. Среди японоведов спектр мнений по этой проблеме весьма широк. «Вообще, секс в Японии ни в коем случае не оценивается с точки зрения морали, как в христианских культурах, а воспринимается исключительно как удовольствие» (с. 166).

Нужно отметить ещё ряд интересных выводов и наблюдений автора в отношении японской культуры. В частности, это вывод о том, что в процессе перехода от традиционного общества к современному «токийские нормы культуры постепенно стали доминирующими» (с. 26).

Подводя итог, можно с полной уверенностью сказать, что рецензируемая книга — это чрезвычайно глубокое, интересное и оригинальное произведение, знакомство с которым будет полезным не только профессиональным японоведам, но и всем, кто проявляет интерес к послевоенной Японии.

В.В. Совастеев, доктор исторических наук, профессор
П.Л. Горбенко, преподаватель кафедры всеобщей истории, археологии и антропологии ДВФУ